

МЕРТВАЯ ВОДА

ПОЛТОРА десятка лет назад, когда в Ленинграде проходило едва ли на первое совещание по перебросу сибирских вод на юг, доктор наук из Института географии СО АН СССР А. К. Малик убеждал:

— Переброс вод, поворот рек бессмыслен уже потому, что обские воды предельно загрязнены.

Тогда ее предостережение не расслышали: слишком уж «мелкотрастными» гляделось оно на фоне затеваемого «мероприятия века».

Лия Константиновна всю жизнь занимается сибирскими водоемами. Недаром в снова заглянул к ней, чтобы выяснить, как сегодня «чувствует» себя великая река.

— Обь, — Лия Константиновна была категорична, — одна из самых грязных рек страны.

Загрязненность рек определяется единицами ПДК — предельно допустимых концентраций. Критическим считается 3 — 5 ПДК. Обь выходит на этот рубеж. Слабым утешением может служить то, что ПДК Томи, Иртыша, Енисея куда больше.

— Тихо плещет ядовитая волна?

— До этого еще не дошло, — не согласилась Лия Константиновна, — но за чистоту Оби нужно прямо-таки бороться.

Дело в том, что зимой на огромном протяжении, от Колпашево и до самых низовий, реку охватывает «кислородное голодание» — знакомый всем ихтиологам и рыбакам знаменитый обский «замор»: река под панцирем зимних льдов подпитывается болотными водами. Кислородный дефицит создает огромную зону «замора». «Тухлая вода, — говорят аборигены обских берегов, — мертвая вода».

— Но, — считает А. К. Малик, — теперь на первое по ущербу место нужно ставить уже не «замор», а нефть. Она — главная убийца обских вод, травит все растущее, плывущее, живое.

Из справки начальника Тюменского областного центра по гидрометеорологии А. Черкасова: «Среднее содержание основных загрязняющих веществ — на уровне 1,8 — 8,9 ПДК. Практически во всех прибрежных населенных пунктах в 1987 году отмечается рост нефтепродуктов по сравнению с 1983 годом в среднем в три раза... На участке от города Нижневартовска до города Сургута река наиболее загрязнена нефтепродуктами и фенолами. В районе Нижневартовска среднее содержание нефтепродуктов самое высокое — 9 ПДК, фенолов — 5 ПДК. В 1987 году ниже города зарегистрированы случаи высокого загрязнения нефтепродуктами, превышающими ПДК в 92 раза, а выше Сургута — в 59 раз».

Но это вовсе не предел: после одной из нефтяных аварий, даже через 45 дней, превышение ПДК за 75 километров от места аварии составляло 29 830 (!) раз.

...Три года назад кандидат биологических наук А. В. Михайлова принимала участие в составлении проблемной записки «О нарастающем влиянии нефтяного загрязнения на рыбное хозяйство Обского бассейна». На последней страничке этой записки, в разделе «рекомендации», есть строчка: «Минрыбхозу укрепить единственный в Западно-Сибирском регионе отдел токсикологических исследований СибирНИИ-проекта кадрами». Михайлова как раз трудилась в этом отделе. Незамедлительно «укрепление кадрами» было исполнено вполне по-министерски: Михайлову уволили под универсально-благозвучным предлогом «сокращения штатов». Хорошо, что на кафедре генетики и экологии биофакультета Тюменского госуниверситета не побоялись взять опальную ученую.

Прошу Людмилу Владимировну охарактеризовать состояние экологического здоровья Оби. Она невесело задыхается:

— Состояние тяжелое. Река находится в центре западносибирского «блюдца», все нефтяные ручьи-капильяры стекают в основную магистраль. За годы нефтяной эпопеи Обь аварийно «наглоталась» 250 тысяч тонн сырой нефти — это лишь то, что учтено, а неучтенного, обнаруженного, конечно, в несколько раз больше. Загрязняют водный бассейн горящие факелы, буровые амбары, но главное бедствие — трубопроводы. Аварий — до 600 в год, вся прорвавшаяся нефть рано или поздно оказывается в воде. В донных илах обского притока Ватинский Еган на 100 грамм грунта — 10 грамм нефти. Даже если сегодня, по мановению волшебной палочки, нефтяное загрязнение прекратится, то его последствия будут сказываться как минимум полсотни, а то и целую сотню лет. Нетрудно посчитать, что уже сегодня мы отнимаем реку у трех будущих поколений сибиряков. А пока волшебной палочки не предвидится.

Деградация рыбной сокровищницы Сибири стремительна. До начала «нефтяной эры» среднетюменские уловы на Оби держались на уровне 32 тысяч тонн в год. Есть четкая граница, когда они катастрофически покатились вниз, — начало шестидесяти годов, когда нефтяники громкогласно рапортовали о первых героических деяниях.

Раньше наблюдалась строгая естественная зависимость: больше воды — выше уловы. Нефтяное загрязнение естественную закономерность стерло: все смешалось в речном хозяйстве, сегодня и в многоводный год обские уловы не достигают былых. Доля «обского внязя» — осетра снизилась втрое, лососевых — вдвое, корюшки — в четыре раза. Но самый сокрушительный урон понес, казалось бы, неприхотливый частик: щука, язь, чебак.

Ихтиологи осваивают новый научный термин — «нефтяные мутанты». Это рыба по виду, но отнюдь не по содержанию. В самой вкусной своей части — тешке — она накапливает нефтяные углеводороды и, по существу, становится ядовитой.

— Все малые северные народности — ханты, манси, ненцы, селькупы — находятся в большой опасности, — свидетельствует биолог Михайлова. — Все они — рыболовы и рыбаки, рыба чаще всего — основной продукт их питания. А по данным канадских исследователей, корреляция между раковыми и иными заболеваниями для людей, основным видом питания которых является рыба, прослеживается четко.

Информация, которую сообщает мне Людмила Владимировна, раньше считалась закрытой, она и сегодня воспринимается психологически тяжело. Неужели все так плохо, так безысходно, так безнадежно, неужели нет никакого средства, способного оградить великий водный поток от превращения в нефтесточную канаву?

— Я — ученый, знаю ситуацию, поэтому пессимист, — жестко отрезает Михайлова. — Нефтепроводы стареют, металл корродирует, трубопроводов этих — десятки два тысяч километров, аварий будет не меньше, а больше, и почти все они непредсказуемы. Плюс нефтехимические комплексы, которые проектируются на многострадальной земле Среднего Приобья. Привязаны они к Оби: Нижневартовск, Сургут, Нефтеюганск — и чистоты реке не прибавят. Нефтегазовое освоение полуострова Ямал положит начало деградации Обской губы — а это «роддом» всего обского рыбного благородья.

...На вечерней реке — малиновые блики разгорающегося заката, отблеск костерка, разгоняющего комаров. За нашими спинами островекий рыбацкий чум. Старый рыбак Николай Сизи нежно вертит в продубленных руках городскую сигаретку.

— Нефть нужна, понимаю, — он завершенно смотрит в малиновую воду, — газ, понимаю, нужен, гравий тоже нужен, понимаю. Одного понять не могу — разве рыба не нужна? Приезжает газавик — дай рыбу, просит. Сварщик мимо едет — от рыбы не откажется. У начальника портфель пузатый — брось пару хвостов, говорит. Ни одного корреспондента на видела, который бы от рыбы отказался. Зачем же ее травить? Какие уловы были! А какие стали? Иван Вокуюев как-то осетра на восемь пудов словил, сейчас таких даже на картинках не рисуют. Почему сначала нефть, а потом рыба? Пусть вместе. На севере без огня трудно, кустиками печь топят, и ничего, терпит тундровый нанец. Но без рыбы не терпит, без оленины не терпит. Зачем столько нефти, если она по реке плывет? Значит, столько не надо. Зачем столько газа, если небо им греют?

Что ответишь рыбаку? Ведь устами его сам здравый смысл говорит. Но, видимо, при осевании Западной Сибири этот простонародный здравый смысл был основательно подрастерян, утрачен, заменили его «высшие» соображения, а точнее сказать — ведомственная захрапленность, вседозволенность, маскирующаяся под государственный интерес.

Чтобы оставаться оптимистами, надо действовать. Мелкое копашение водохранных служб проблему глобально не решает, у местных Советов столько прорех на суше, что до воды руки не доходят. Поэтому обращает на себя внимание призыв журналистов салекардской окружной газеты «Красный Север» создать Всеобский общественный комитет по спасению реки, в который, помимо газетчиков, вошли бы ученые, специалисты, работники природоохранительных служб и общества, энтузиасты Алтая, Новосибирска, Кузбасса, Томска, Тюмени, Урала, Казахстана — все, кому дорога судьба великой реки. Может, идея преждевременна? Ведь Обь все еще полна сил, чего, к примеру, не скажешь о национальной святыне — Волге. Но, полагаю, чем раньше мы начнем активную работу по спасению великой сибирячки, тем дешевле обойдется это природе, обществу, нашему государству.

Да, нефть — благо экономики, но сегодня она — убийца реки, убийца ее вод, рыбы, кормов, убийца величайшей в мире речной поймы. В силах ли человека прекратить нефтяное убийство Оби? Здесь не может быть фатализма. Как не согласиться со старым рыбаком Николаем Сизи и его названным вопросом: «Надо ли стране столько нефти, если она течет не по трубопроводу, а по реке?» Превращать Западную Сибирь, полустительствуя министерским амбициям в бесхозяйственности, в нефтяную лужу, платить вечной рекой за сегодняшнюю нефть — слишком дорогая плата. Поглядите на карту Тюменской области: Обь на ней — как могучий ствол, на котором держится шумит мощная зеленая крона. Не сук рубим, ствол подсекаем!

...В Нижневартовске, недалеко от берега, на развилке дорог, ведущих к промышленному Самотлору, стоит памятник нефтепроводцам. На постаменте — молодой и дерзкий парень, поднявший руку с горящим факелом. Горожане зовут его ласково Алешей.

Не знаю, сознательно ли задумал ваятель, получилось ли это неволью, но не к речному простору повернут Алеша. Может, действительно стыдно первопроходцу перед Обью? Отвернулся Алеша и от знаменитого озера Самотлор, который можно считать символом нефтяного могущества, а при желании — знаком большой сибирской экологической беды.

Анатолий ОМЕЛЬЧУК
ТЮМЕНЬ